

БАЛАБАНОВА С.И.

**ЗАКОЛДОВАННЫЙ
КЛАД**

16+

Светлана Балабанова
Заколдованный клад

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Балабанова С. И.

Заколдованный клад / С. И. Балабанова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

На одном из холмов Средне-русской возвышенности стоит древний, как седая Русь, город. Много таинственных преданий и красивых легенд возникло под сенью его старинных церквей. В этой книге рассказывается увлекательная история о верной дружбе, преданной любви и зарытых сокровищах, приносящих легкомысленным кладоискателям большие несчастья.

Светлана Балабанова

Заколдованный клад

ДВА БРАТА

На высоком берегу Нугря стоит обнесённая земляным валом деревянная крепость. Ощетинившаяся пищалями и пушками, защищает она от вражеского набега южные рубежи Московского государства.

К северу от обжитого пушкарями городища, за глубоким оврагом, за дубовой рощицей, над крутой излучиной притока Оки, сверкает белыми стенами Троицкий Оптин монастырь. Основал его в середине семнадцатого века раскаявшийся и подавшийся в монахи атаман разбойничьей шайки Опта.

Благодаря богатым дарам жены царя Алексея Михайловича Романова, Марии Милославской, захудалая прежде обитель обрела небывалую славу и мощь. Прах отца царицы и её сестры Анны покоится за её прочными стенами.

В конце монастырской слободы, возле покрытой соломой избушки на утоптанном скотиной дворе возились два мальчугана. Старший ломал на хворост сухие ветки, а маленький Глебка складывал их в поленницу. К полудню взопревший от натуги малыш прилёг на островок гусиной травки, чтобы немного передохнуть. Некоторое время он лежал неподвижно, сощутив яркие васильковые глаза, и разглядывал плывущие по синему небу облака. Поддавшись вдохновенному порыву, Глебка схватил острую веточку, и на утопанной земле появились очертания соломенной крыши и сверкающих на полуденном солнце золочёных крестов.

Заметив, что братец заигрался сучком, Василий нырнул за сарай, перемахнул через плетень и исчез в раскидистых зарослях лопуха и сочной, хрустящей сныти. Очнувшись от наваждения, Глебка пошмыгал носом, затянул потуже верёвку на шитых матерью домотканых портах и полез под плетень, пытаясь догнать сбежавшего от трудовой повинности брата.

Укромное Васькино логовище находилось в конце деревенской улицы, у монастырской стены. Здесь, на краю крутого обрыва, в душном полынном раю, в редкую от изнурительной работы минуту Васька предавался мечтам.

Внизу, подле установленной на берегу красильни, гомонили о чём-то бабы, громко орали грузчики, таскающие на баржи тюки выделанных телячьих кож. Лениво переругивались между собой разомлевшие на солнцепёке лодочники, уставшие ожидать свой черёд.

Над вымершими до вечерней дойки деревенскими дворами, вились осы, жужжали над навозными кучами мухи, а за излучиной Нугря кипела настоящая жизнь. Поблёскивала куполами освящённая в честь Святой Живоначальной Троицы белокаменная церковь, чмокали топорами плотники в Пахотной слободе. Услужливая память перенесла Ваську на территорию городской церкви, куда мать водила братьев поклониться святой мученице Праскеве Пятнице и почитаемому всеми чудотворному образу Спасителя.

Но не церковные чудеса занимали Ваську. Мысли об озорной, как капель, девчонке из зажиточной городской семьи не давали парню покоя. Бросала Варвара на парня смелые взгляды и, не боясь гневливого бога, корчила в храме забавные рожицы.

Румяное личико дочки купца Борка возникло на мгновение перед разгорячённым мальчишеским взором и тут же растаяло в заоблачной синеве. И красой, и статью взяла «Маша», да была не наша. Сына монастырского водовоза ждала холопья доля, но горделивый упрямец дерзал побороть судьбу.

Так и тянулась бы жизнь Глеба и Василия в тени монастырских стен, если бы не собрался царь Пётр с царевичем Алексеем под Киев, где стояло летом одна тысяча семьсот шестого года лагерем русское войско. Путь от Москвы до Киева был не близок. Почтовым трактом через Калугу и Белёв в канун престольного праздника Пресвятой Троицы прибыл государь в пограничное городище и остановился на ночь у воеводы.

– Батюшка-то наш царю в ноги падал, поклоны бил, прощение за грехи просил. Воевода Петру Алексеичу сам прислуживал, чарку собственной рукой подносил, – рассказывала кумовьям дородная ключница Прасковья.

Наутро слухи, как воевода государя встречал, облетели маленький городок. День был воскресный, торжественный. В честь престольного праздника из новой Свято-Троицкой церкви в одноимённый монастырь шествовал торжественный крестный ход. Нарядные горожане с чадами и домочадцами тянулись за ним через заливной луг к обедне. Робевшая толпа собралась у монастырских стен. В ворота входить не осмеливалась. Ждали Петра с наследником.

Братья наловили к праздничному обеду карасей, набрали в перелеске молодых подберёзовиков и теперь праздно висели на окружавшей двор жердяной изгороди, с нетерпением поглядывая на опустевшую улицу.

– Чтобы со двора без родителей никуда! – осадил пыл ребятишек пронзительный женский голос.

– Матушка, роденькая! Нам бы только одним глазочком на царевича посмотреть, – дружно откликнулись Васька и Глеб.

– Ужо пройдутся верховые нагайками вдоль спины, узнаете как рты попусту разевать. Будет вам и царь, и царевич, токмо не пачкайте новые рубахи.

– Едут, едут! – заголосила застоявшаяся у ворот толпа.

Нарядно одетая мамаша с годовалым младенцем на руках вышла во двор, но братьев-разбойников и след простыл. Что было мочи, мчались они к монастырю, только сверкали в пыли их крепкие пятки.

Потолкавшись немного за спинами мужиков и баб, Васька и Глеб нацелились было протиснуться в первые ряды, но не осмелились. Заметит кто-нибудь из соседей, да доложит отцу, порки за ослушание не миновать. Родитель наказывал сыновей, не разбирая ни правого, ни виноватого, что ещё больше укрепляло братскую дружбу.

– Айда на обрыв! – скомандовал Глебу Василий.

– Твоя правда, братишка. С холма дорога, как на ладони, видна, – обрадовался Глеб.

Братья метнулись к монастырской стене и там, где она делала над рекой поворот, юркнули в заросли репейника. Ящеркой проползли они между толстых стеблей и выбрались у куста бузины, что цеплялся корнями за край обрыва. Придерживаясь за ветку, Василий вскарабкался на уступ.

– Едут, Глебка, едут! Лезь скорее ко мне! – поторопил он брата.

И вовремя! Из города на луг спускалась карета. За нарядным возком, высекая искры из булыжной мостовой, гарцевало несколько всадников. Ярко поблескивала лошадиная сбруя, Процессия спустилась на просёлочную дорогу, и облако поднявшейся в воздух пыли скрыло кавалькаду из глаз.

Цепляясь за выступы каменной кладки, Глеб карабкался всё выше и выше. Мальчик хотел лучше разглядеть диковинный экипаж. Щедро припудрив пылью опаздывающих на службу горожан, процессия промчалась через луг, взлетела по разбитой колее на монастырский холм, мелькнула на миг перед горящими ребячьими взорами и скрылась за изгибом стены.

В этот ответственный момент нога Глеба соскользнула с уступа. Падая, он ухватился за сук, за который держался брат. Хрупкая ветка не выдержала тяжести двух тел, и дети кубарем покатались под откос. Сначала перед Василием мелькала худенькая спина Глеба, затем раздался пронзительный крик, и мальчик пропал из вида.

Стесав до крови колени, изодрав порты, Василий остановил падение и распластался на косогоре. Страшно держать ответ за порванную одежду, но куда страшнее возвращаться домой без брата.

– Глебка! Глебка! Ты где? Глебушка, родненький, отзовись! – скулил Васька, сжавшись от боли и испуга.

Снизу, из-под земли, послышался детский плач. Василий раздвинул стебли полыни и увидел в горе провал.

– Глебушка! Глебушка! Вылезай! Пойдём домой, а то папаня бить будет, – жалобно позвал он в темноту.

– Не могу, ногу поранил, наступить больно, – плакал маленький Глеб.

Василий сорвал на склоне лопух, поискал лист подорожника и нырнул в темноту. Глеб сидел на шершавом камне и ныл, обхватив разбитое колено руками. Поплевав на целебный листок, Василий приложил подорожник к царапине и для верности примотал к ноге сверху лопух. Глеб успокоился и прекратил хныкать.

Васька с любопытством огляделся. В подземной норе было зябко и сыро, но любопытство взяло над страхом верх. От стекающей с глиняных сводов влаги и попадающих за шиворот капель мальчика бил озноб. Узкая на входе расщелина значительно расширялась в глубину. Не смотря на сгущавшуюся темноту, Василий решил повнимательней осмотреть находку.

– Знатный будет схорон, если случится играть с ребятнёй в разбойники, – размечтался он.

Сделав всего несколько шагов, Васька обнаружил сложенную из известковой породы арку и проход, ведущий в недра горы. На камне возле входа в галерею мальчик обнаружил замотанный в тряпицу сверток. В нём хранились пропитанные маслом тряпицы, лучины и кресало, чтобы высекать огонь. У Василия от нетерпения загорелись глаза.

– Глебушка, милый, иди, посмотри на чудо. Давай посмотрим, куда каменный коридор приведёт?

– Колено болит, есть хочу, – принялся кукукаться маленький Глеб.

– А помнишь, как мамка рассказывала про разбойника Опту. Может, припрятанные сокровища здесь найдём.

– Ладно, слазаем недалече, да на чужое добро поглядим, – степенно согласился хозяйственный Глеб.

Василий шёл впереди брата и освещал лучиной дорогу. Глеб, прихрамывая, тащился следом. Узкий коридор поднимался в гору. Исчезла на стенах осклизлая плесень. Влажная глина не чавкала под ногами. Внезапно Глебка испуганно вскрикнул. Впереди мерцал тонюсенький огонек.

– Васька, это духи указывают, где зарыт клад.

Братья ринулись вперёд, вдохновлённые скорой наживой, и упали на известняк, сбитые с ног невидимым в темноте препятствием.

– Ай-ай-ай! Мамочка! Братик, спасите, черти меня за ногу держат и в ад к себе волокут! Спасите, родные! – тоненьким, заячьим голоском верещал испуганный Глеб.

Васька поднял с пола тлеющую лучину. Дрожащий огонёк вспыхнул вновь и выхватил из темноты перегородившую проход кучу тряпья. Парнишка поддал кучу ногой. Истлевшее тряпье осыпалось и обнажило ржавую цепь, желтоватые кости и череп с редкими, приклеенными к вискам прядями седых волос. От неожиданности Васька ахнул, а Глебка снова заголосил в полный голос.

На потревоживших покой мальчишек проваленными глазницами смотрел и скалил редкие зубы прикованный к стене скелет.

Глебка прижался к брату.

– Да, перестань ты трястись, малой! У разбойников так заведено, что покойники клад стерегут. А ты мертвецов не бойся. Они смиренные лежат себе тихо и никого не трогают, – заговаривал зубы младшему брату, струхнувший не на шутку старший брат.

– А что, Васька, славная цепка на стене висит. С такой двухлетка бычка на привязи можно держать, – приободрился прижавшийся к брату Глеб.

Стараясь не потревожить усопшего, братья перешагнули через гнилые кости и осыпавшееся тряпьё и устремились к манившему их источнику света.

На стене под закопченным ликом Николая Угодника, мерцала крошечным светлячком лампада. Рядом с ней виднелось оконце размером с мужскую ладонь. За куском слюды братья разглядели высеченную в горе пещеру и лежащее на каменном выступе покрытое саваном тело. Неверное пламя коптящей лампады выхватывало из темноты длинные зубы, пергаментное лицо, и сжимавшие на груди распятие костлявые руки усопшего.

– Почто человека замуровали? – дрожащим голосом спросил Глеб.

– Думаю, что подземный ход к монастырю ведёт, Помнишь, матушка нам рассказывала, что в старые времена принял обет затворничества какой-то монах. Он велел замуровать себя под землёй. Хотел без помех за грешных мирян молиться. Перед нами его нетленные мощи.

Братья перекрестились и в два голоса забормотали «Отче, наш!» Желание найти клад в подземелье у них значительно поубавилось.

Впереди послышались человеческие голоса. По галерее спускались люди.

– Замри! – приказал брату Василий и погасил огонь.

– А не тяжела ли мирская ноша, брат Серафим? – гнусавил тщедушный монах, освещавший путь согнувшемуся под тяжёлым мешком своему могучему товарищу.

– Такая ноша не тянет, – отозвался басом монах, мужчина истинно богатырского сложения.

К счастью, кладовая, куда монахи держали путь, находилась выше того места, где замерли, прижавшись к стене, испуганные ребятишки. Забренчал на двери тяжёлый замок, звонко бухнула дубовая, обитая железом дверь. Брат Илларион вложил факел в приделанное к сводчатой стене кольцо. Щёлкнул запор распахнутого Серафимом ларя, и подземелье наполнил звон пересыпаемых из мешка монет.

– Нет ничего прекрасней пересыпаемого в хранилище серебра! – склонился над сундуком Илларион.

Серафим посторонился, отошёл в сторону и с удивительным равнодушием взирал, как его худосочный спутник горстями пересыпает монастырские сокровища.

– Богатое пожертвование сделал царь Пётр. С такой казной к осени купола золотить будем, – вознёс хвалу Господу и государю Илларион.

– Каменные стены вокруг монастырского двора поднимать надо, да сторожевые башни ставить! С трёх сторон батюшка Нугрь дорогу на Москву бережёт, а с четвертой ровное поле. Что делать, если турки снова на Русь пойдут? За православную веру с оружием стоять надо! – огладил широкую бороду могучий монах.

Подглядывая через щель, братья не успевали пересчитывать монастырское добро. Чего только не было в кладовой. Одних только кованых сундуков здесь хранилось столько, сколько у Глеба пальцев на одной руке. А ещё мешки с рухлядью, лисьи да бобровые шкуры, бухты пеньковых веревок, бочки с мёдом, кругляши плавленого воска, да всего и не перечесть. Закончив важное дело, монахи заперли кладовую и отправились восвояси, а ребятишки пустились в обратный путь.

Они вернулись в избу, когда в храме закончилась служба, а прихожане разошлись по домам. Насупленный отец сидел под образами во главе праздничного стола и мазал хреном дрожащий от его гнева студень. Званные в гости отцовские братья давно смели нехитрую снедь, обглодали петушинные кости и, насытившись, не спеша, цедили мутную брагу, закусывая её

мочёными грушами. Разговор шёл о царе, о его нерусском кафтане, о ценах на осенней ярмарке на пеньку и хлеб. Их жёны в цветастых, набивных платках черпали деревянными ложками ягодный кисель и заедали его маковыми пирогами. Уставшая от хлопот мать доила в пригоне корову.

Провинившихся сыновей отец к столу не пустил, а когда гости ушли домой, выпорол за неуважение к старшим и порванную одежду. Избитые и голодные братья забрались на печь, залезли под овчинный тулуп и дали друг другу страшную клятву: никому не рассказывать об увиденных в подземелье диковинах.

– А знаешь, Глеб, сбегу я из дома, – прошептал затаивший на отца обиду Василий.

– Смирись, братишка, грех ты удумал! Нам при монастыре жить положено, да и мамку с отцом жаль. Кто о них в старости заботиться будет? Нинка малая подрастёт, к мужу на чужой двор отдадут, – отозвался рассудительный Глеб.

– Видел, какой городок за рекой стоит? Народа живёт там тьма тьмушая. Отец сказывал, что на площадях торговые лавки рядами стоят, от товаров купеческие амбары ломаются. Не хочу отцовскую порку терпеть, да монахам до пояса кланяться. Хочу сам по себе жить. Выучусь сапоги, да ботинки шить, богатым купцом стану, – упрямо стоял на своём Василий.

– А помнишь, сколько добра под землёй припрятано! Одних сундуков с серебром не счесть, – мечтательно вздохнул Глеб.

Василий сжал кулаки.

– Был бы я лихим разбойником, пробрался в кладовую и взял себе малую толику, никто бы и не заметил.

– А мне по душе молитвы на клиросе петь, да на святые лики глядеть. И лепота, и умиление души, и оклады жемчугами выложены.

В полусне Глеб улыбался, очарованный посетившими его видениями, и шевелил пальцами так, словно растирал яичные краски икон и вставлял в дорогие оклады жемчуга и камень. Задумчивый он был от рождения парнишка, с божьей отметиной на челе.

Матушка укачала младенца и подошла приголубить наказанных чадушек. Перекрестив упрямые лбы, она сунула детям в руки по пирогу и собралась уже уходить, когда Василий не выдержал и спросил:

– Матушка, а для чего в монастыре толстые стены?

– Монастырские стены защищают нас от врагов, сынок. Воевали с Русью поляки, так жители из ближайших деревень в монастырь ушли, пережидали, пока враг от стен отойдёт.

– А откуда монахи брали для них еду?

– В монастыре зерно хранится на несколько неурожайных лет, а родниковая вода в подземном колодце есть. А ещё говорят, что прорублен в горе тайный проход, который ведёт к реке.

Отец услышал неурочный разговор и строго закашлял. Мать отошла от печи, а уставшие ребятишки заснули, сжимая в кулаках надкушенные пироги.

Прошло несколько лет, и сбежал из родного дома Василий. Подрос маленький Глеб и ушёл учеником в монастырь. Со временем стал он известным иконописцем. Не обошла братьев и большая любовь. Влюбились они в одну и ту же девицу, дочку купца Борка. От Василия и Варвары начался известный купеческий род, а Глеб запечатлел в душе божественные черты любимой и сохранил их в образе Пресвятой Богородицы. И так сильна и возвышенна была его, не опороченная греховными помыслами любовь, что стала написанная им икона чудотворной.

Много воды утекло в Нугре, не одно поколение прошагало по каменистым улицам Болхова. Пережил древний город набеги татар, не покорился полякам, и только после победы над шведами обрели горожане долгожданный покой. Закипела мирная жизнь, занялись люди кожными и сыромятными работами, вязанием носков, варежек и продавали их до самого Киева.

Прошло триста лет, но всё так же сверкает на берегу реки белоснежными стенами Троицкий Оптин монастырь, а на противоположном склоне холма раскинул золотые купола переживший лишения и войны древний Болхов.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ РОДА САПОЖКОВЫХ

Погруженный в невеселые мысли начинающий предприниматель Дмитрий Иванович Сапожков сидел в кабинете своего автосервиса и перелистывал свежую газету. Это был крупный мужчина с коротко стриженными русыми волосами и приятным округлым лицом. К тридцати годам Сапожков устал от звериного лика капитализма и окончательно разочаровался в неверном бремени предпринимательской доли.

Последние месяцы Дмитрий Иванович перебивался случайным заработком, а состоятельные клиенты обходили его предприятие стороной. Настоящих денег у незадачливого предпринимателя давно не водилось.

Неприятности начались весной. После затяжных майских праздников ушёл в запой и не вернулся к нормальной жизни его лучший автослесарь Петя. Опытные клиенты заметили, что нарядный и надушенный Петя нарезает круги возле пивнушки, забрали из автосервиса Сапожкова сданные в ремонт автомобили и перебрались к конкуренту на соседнюю улицу.

Дмитрий Иванович всё ещё надеялся, что чёрная полоса закончится и для привлечения новых заказчиков решил повесить над воротами яркую вывеску. В поисках подходящего дизайнера Сапожков перелистывал газету. Он переворачивал страницу за страницей, пока не наткнулся на раздел, где давали объявления колдуны и маги. В глаза бросился жирный текст.

– Кодирую на финансовую удачу. Гарантирую успех во всех начинаниях! Доступные цены. Сто процентный денежный приворот!

Дима раздраженно крикнул.

– И какой только чепухи продажные газетёнки не печатают. Дудки! Не верю я в колдовство. Неужели в наше циничное время существуют доверчивые люди, которые несут деньги к экстрасенсам и ворожеям? Меня на мякине не проведешь.

Почесав редкую щетину на подбородке, Сапожков с раздражением отложил газету. От тяжёлого умственного труда его отвлек звонок мобильного телефона.

Дмитрий Иванович увидел высветившийся на экране номер и недовольно поморщился. В пятый раз за сегодняшний день звонила настырная жена Катя. С утра супруги успели поссориться, и теперь мудрая Катя досаждала мужу звонками, доводя благоверного всякими глупостями до бешенства.

Рабочий день подходил к концу, и приближался час очной встречи. Подумав, Сапожков решил, что на звонок лучше ответить. Металлическим голосом оскорблённая женщина сообщила, что из домоуправления прислали счёт и требуют оплатить задолженность за газ и воду.

Подобных проблем у Сапожкова накопилось немало. На рабочем столе лежало уведомление из налоговой инспекции, пожарники выдали предписание в месячный срок установить новую пожарную сигнализацию. На глаза попались неоплаченные счета за электричество и вывоз мусора. Список неотложных платежей накопился длинный и неинтересный, зато интересной оказалась конечная сумма Диминого долга.

– Будь проклят тот день, когда я бросил институт и занялся этой бодягой! А всё закадычный друг Рома! Твердил сердешный, как заводной: «Открой автосервис, открой автосервис! Такие бабки, такие бабки!»

Дмитрий Иванович с раздражением пнул ногой пустой сейф. Стоявший на нём факс обиженно тренькнул. Верный друг Рома свалил в столицу, а Дима женился на Кате, завёл ребенка и стал прозябать в пустующем автосервисе.

В школе Сапожков подавал большие надежды. Он первым заучивал стихи и быстрее всех решал математические задачи. Молоденькие институтские преподавательницы заглядывались на обаятельного студента и с удовольствием ставили ему зачёты. Чем старше становился Дмитрий Иванович, тем круче выглядели его личные достижения. Кто мог перепить собутыльника на дружеской вечеринке? Кто оглушительней всех стучал кружкой в пивной? Глядя на внушительный Димин кулак, у любого крикуна из разгоряченной пивом компании пропадало желание спорить. Со временем одноклассники без особых способностей заняли тёплые места вышедших на пенсию родителей. Анечка Чурилова пристроилась в городской администрации, Вовка Кузин процветал в ГАИ, даже троечница Даша Рукавишникова заведовала отделом в банке. Нет, бывшие друзья не забывали Сапожкова. Они приезжали на дорогих иномарках, жали однокласснику руку и покровительственно хлопали по плечу.

Дима мыл «Мерседесы» и «Джипы», подкручивал гайки, подкачивал шины, пил водку и делал приятное лицо. На следующий день, после очередного семейного скандала великодушный предприниматель проклинал свою душевную слабость и грозился выставить друзьям крупный счёт. Шли дни, но всё повторялось сначала.

– Не повезло мне с родителями! Нет, не повезло! Отец – простой инженер, мать – педагог. Одно слово беспросветная нищета!

Дима горько вздохнул:

– Эх, если бы не революция, была бы у меня сейчас обувная фабрика и магазин, а, может быть, не один. А теперь, тьфу! Кто я такой? Так, мелочь пузатая. Кручусь с утра до вечера, как вошь на гребешке! Вот прадед мой, купец первой гильдии, солидный был человек! Ещё перед его отцом и дедом снимали шапки.

Дмитрий Иванович второй раз тяжело вздохнул. Сердце привычно ныло от накопившихся проблем. Сапожков бросил под язык купленную в аптеке таблетку и развернул газету. Как заговорённая, она распахнулась на той же странице.

– Магия и колдовство! Кодирую на удачу! Тьфу! Тьфу! Тьфу!

А глаза продолжали жадно впитывать строчки.

– Анонимно! Низкие цены. Гарантированный успех! Желаете получить сто тысяч рублей? Наберите номер сорок восемь, сорок восемь и ждите результат в течение недели. Двести рублей за звонок будут автоматически сняты со счета вашего мобильного телефона.

– Однако удобно придумали каналы! – с завистью отметил Дмитрий Иванович.

Не выдержав соблазна, он достал мобильник и проверил лимит.

– Может быть, позвонить? Что, собственно говоря, я теряю? Двести рублей? Это не деньги. Дела в конторе идут так плохо, что в пору хоть в петлю лезть. В случае неудачи никто ничего не узнает, а в случае удачи? Х-мм! Да что там доллары или евро. Сочту за счастье, если в пустом кармане появятся сто тысяч отечественных рублей. Главное, о собственной глупости никому не рассказывать.

Ситуация казалась безвыходной, дома Дмитрия Ивановича ожидала встреча с суровой Катей. Некоторое время Дима ещё колебался, а затем набрал указанный в объявлении номер и стал ожидать обещанного чуда. Через два дня он посмеялся над собой, а через пару дней забыл о своей глупости окончательно.

У Сапожкова имелась только одна всё поглощающая страсть – его ослепительная Муся. Дима обожал свою тачку, как обожает мужчина любимую женщину и считал её совершенной иконой стиля. Каждый изгиб, каждая линия лакированного кузова вызывали у него восхищение. Дима испытывал к Мусе нежное чувство, от которого щипало в глазах и немного сосало под ложечкой.

Женщины не оказывали на Сапожкова подобного действия. Жену он воспринимал, как осознанную необходимость. Должен же кто-то мыть полы, ходить в магазин и готовить обед. К дочери он относился добродушно, но каждый раз удивлялся, когда натыкался на девочку в обширной, доставшейся по наследству от тётки квартире. Конечно, незадачливый муж и отец догадывался, откуда берутся дети, но в тайных глубинах души надеялся, что аист случайно ошибся дверью и непременно вернётся, чтобы исправить ошибку.

Дождливым, пасмурным утром Дмитрий Иванович в очередной раз вышел из дома, чтобы отправиться на опостылевшую работу. Лето в этом году не задалось, и настроение у предпринимателя было скверным. Третий день с неба сыпался мелкий дождь. Промозглая сырость проникала за ворот плаща и хроническим тонзиллитом щипала в горле. Сапожков достал из кожаного портфеля очки, протёр запотевшие стёкла и огляделся.

Возле бетонного забора, огораживающего очередную затянувшуюся недостройку, колосились жгучие стебли крапивы. Выбитый строительной техникой асфальт гаполняли бездонные лужи. Дополняя унылый пейзаж, в контейнере для бытовых отходов копался одинокий бомж. Худощавый пожилой мужчина в куцем не по возрасту пиджаке шарил в металлическом ящике палкой и сортировал выброшенный жильцами мусор.

Посмотрев на согбенную фигуру, предприниматель подумал:

– Бедняге живётся ещё хуже, чем мне. Не приведи, господи, дойти до такой жизни!

Дмитрий Иванович завернул за угол дома. Щёлкнул электронный замок гаражной ракушки, и истосковавшая за ночь Муся моргнула раскосыми фарами. Радость взаимной встречи омрачило непредвиденное обстоятельство.

С тяжёлым мешком на плечах из-за угла вышел всё тот же бомж. Он подошел к открытому гаражу и уставился на Сапожкова преданным собачьим взглядом. Дмитрий Иванович поморщился и обругал потерявшего совесть бродяжку.

– Иди отсюда, мужик! Бродят тут всякие, а потом машины у порядочных людей угоняют.

– Подвези, командир, до центра, я заплачу, – в ответ на неприветливое обращение добродушно осклабился бомж.

Он опустил руку в карман, открыл толстенный бумажник и помахал перед носом Сапожкова тысячерублевой бумажкой.

– Оставь себе эту фальшивку! – возмутился Дима.

– Добавлю тысячу, – невозмутимым голосом сообщил незнакомец, и две зеленюватые купюры легли на капот сверкающей Муси.

Деньги оказались настоящими, и Сапожков растерялся. Обычный таксист за поездку из микрорайона в центр брал не более ста пятидесяти рублей.

Дмитрий Иванович с удивлением поглядел на оборванца. От сбившегося дыхания его очки запотели. Сквозь мутный туман нуждавшемуся в деньгах предпринимателю померещилось, что под лохмотьями с чужого плеча скрывается смуглый, поджарый человек с ухоженным холёным лицом и узким с горбинкой носом.

– Не сомневайся, начальник, человек я творческий, увлечённый, можно сказать, коллекционер со стажем. Ищу на свалках старинные вещи и дарю им новую жизнь. Вот медный канделябр у вас подобрал, спасибо, что хозяева на металлолом не сдали. Предмет позеленевший, запущенный, а приведи его в порядок – бесценная находка, девятнадцатый век. Так подвезёшь на вокзал или как?

Незнакомец говорил спокойно, внушительно, неторопливо подбирал убедительные слова. Увесистый мешок у его ног терпеливо ждал своей участи. Дима с сомнением посмотрел на чехлы любимой Муси, на подозрительного незнакомца, подумал немного и махнул рукой.

– Ладно, папаша, садитесь на заднее сидение. Мне всё равно ехать в центр.

От внезапно свалившегося сокровища – двух тысяч рублей Сапожков не посмел отказаться. Димин автосервис находился на противоположном конце города, а вокзал был как раз

на середине пути. С первым поворотом ключа Муся заурчала, выползла из тесного гаража, расправила крылышки и вылетела на широкий проспект, где сновали такие же, как у Димы, кем-то любимые Ласточки, Лады и Муси.

Сапожков с удовольствием поглядывал по сторонам. Город кипел привычной жизнью. Из магнитолы лилась нежная мелодия флейты. Диме казалось, что добрый волшебник пересыпает разноцветные стеклышки калейдоскопа для успокоения его тонкой души.

Тем временем загадочный пассажир достал из кошелька невзрачный листок и пробежал по нему глазами. Убедившись, что всё идёт по намеченному плану, незнакомец велел остановить машину на привокзальной площади.

В ранний, утренний час обширная площадь перед железнодорожным вокзалом напоминала большой муравейник. Только что к перрону подошла пригородная электричка, и из неё высыпала толпа селян. На привокзальной площади образовался стихийный рынок. На асфальте стояли трёхлитровые банки, наполненные парным молоком и корзины со свежими огурцами. Рачительные хозяйки наперегонки раскупали дешёвый товар.

– Спасибо за доставку, Дмитрий Иванович!

Оборванец поблагодарил Сапожкова, взвалил на плечи мешок с канделябром и затерялся в толпе.

– Откуда этому человеку известно моё имя? – забеспокоился Дима, но быстро нашёл ответ.

– Видимо, я не последний в городе человек! – с изрядным самодовольством подумал он.

Желая в последний раз взглянуть на подозрительного незнакомца, Сапожков всматривался в людской водоворот. Его усилия не пропали даром. Сухоощаая фигура нищего с тяжёлым мешком на плечах появилась у лестницы, поднимающейся на перрон.

– Приятель опаздывает на электричку, я зря волновался, – успокоился Сапожков.

Дальнейшие события выбили Диму из колеи. У пригородных касс топтались два человека. Заметив коллекционера, они засуетились и, недолго посоветовавшись, бросились ему навстречу.

Было видно, что старик ожидал нападения. Не мешкая, он перехватил канделябр в правую руку и, низко пригнувшись, подставил его мчавшемуся сверху разбойнику под ноги. Бежавший с приличной скоростью грабитель споткнулся о внезапно появившееся под ногами препятствие, потерял равновесие и кубарем покатился по ступеням вниз. Его замешкавшийся товарищ получил тяжёлым подсвечником по спине. Путь к спасению оказался свободен.

Старик бежал вдоль путей, а потерпевшие поражение преследователи мчались за ним следом. Хорошо знавший закоулки вокзала коллекционер перепрыгнул через поручни, огораживающие пути, и, рискуя жизнью, проскочил перед проходившим мимо грузовым составом. Остановившиеся перед препятствием бандиты напрасно заглядывали в просветы пролетающих мимо цистерн. Догнать беглеца не представлялось возможным.

Воспользовавшись замешательством преследователей, старик запрыгнул в вагон отходившей от перрона электрички. Провожая глазами удаляющийся поезд, грабители бессильно матерились ему вслед.

Досмотрев представление до конца, Сапожков отправился на работу. Подчиняясь возникшему в душе непонятному беспокойству, через несколько светофоров Дима остановил машину, и оказалось не зря.

На заднем сиденье автомобиля лежал старый, выдавший виды бумажник. Дмитрий Иванович взял в руки находку, повертел её и из любопытства заглянул внутрь. В бумажнике лежала толстая пачка денег, источавшая лёгкий аромат французских духов.

– Сто тысяч рублей! Не бедный мне попался клиент, – пересчитывая перехваченные резинкой купюры, завидовал Сапожков.

В памяти всплыло объявление из рекламной газеты.

– Хотите получить сто тысяч рублей? Наберите номер сорок восемь, сорок восемь...

– Вот и дождался чуда! Заплатил сущие копейки и получил обещанный колдуньей капитал!

Дмитрий Иванович поёжился. Магия работала, но на душе у предпринимателя скребли кошки.

– И зачем я связался с этим бродягой? Не стоила поездка на вокзал две тысячи рублей.

Сапожков колебался не долго, а затем решил:

– Возьму из этих денег немного и погашу накопившиеся долги. А встречу когда-нибудь старика, упаду ему в ноги и скажу: «Прости неудачника, отец! Как только заработаю кучу денег, верну всё до копейки».

Не прошло и пяти минут, как встреча с подозрительным антикваром показалось Диме дурным сном. Толстая пачка купюр приятно оттягивала карман и становилась роднее с каждой минутой.

Сапожков подъехал к своему автосервису. Вымощенный плиткой тротуар надёжно отделял территорию гаража от перегруженной транспортом улицы, по которой непрерывным потоком проносились автомобили, обдавая зазевавшихся пешеходов дождевой водой из не просыхающей придорожной лужи.

Заметив радужные пятна на блестящем капоте Муси, Дмитрий Иванович поморщился, но загонять машину во двор не стал, впереди намечались деловые поездки. Но стоило предпринимателю переступить порог, привычная суета перебила намеченные планы и закружила голову. Сапожков стоял посередине двора и придиричивым взглядом осматривал территорию. По захламлённому ржавыми железьяками пространству пробирался чумазый шин монтажник в драном рабочем комбинезоне.

– Ты куда дел новый комбинезон, Николай? – рявкнул на нерасторопного малого хозяин.

В ответ молоденький паренёк глуповато ухмыльнулся и поднял на Сапожкова наивные васильковые глаза. Сведенные от робости колени начинающего сотрудника жалко подрагивали, виднеясь сквозь широкие прорехи штанин.

– Да ну его, Дмитрий Иванович, новый. Я пока этот доношу. Новую спецовку запачкаю, а вы меня опять ругать станете.

Дима хотел разразиться веской тирадой, но со стороны мойки донёлся наполненный отчаянием женский голос.

– Дмитрий Иванович, идите скорее сюда. У меня компрессор сломался! – что было силы вопила мойщица Клава.

– Иди себе с богом, Николай, работай, а то застыл, как пень на дороге.

Сапожков махнул на Николая рукой и побежал спасать мойщицу Клаву. Толстощёкая, добродушная девица стояла посреди пенной лужи, а из-под короткой юбки выглядывали пухлые колени, на которые косился влипший в полонку клиент. Даже грубые сапоги на литой подошве не портили деревенскую свежесть Клавы.

Дмитрий Иванович оценил стоимость попавшей впросак иномарки и принялся чинить чихавший и фыркавший компрессор. Через полчаса довольный полученным результатом Сапожков подходил к своему кабинету. Он собирался взять неоплаченные счета и ехать в банк. Но грандиозным планам не суждено было осуществиться. Сапожков заметил под ногтями чёрную кайму. Нижняя часть брюк отсвечивала радужными разводами грязи. В таком виде появляться в банке было нельзя.

– Что б тебе пусто было! – чертыхнулся Сапожков и направился к умывальнику.

Пока незадачливый предприниматель отчищал от пятен брюки и выковыривал пилочкой грязь из-под ногтей, за его действиями из зазеркалья следил незнакомый человек с одутловатым и помятым лицом. Обратив внимание, на неприятное отражение, Дмитрий Иванович тщательно вымыл руки, пощупал мешки под глазами и похлопал ладонью по щекам. Посетовав на

тяжёлую жизнь, он вспомнил, что утром не успел даже позавтракать. Но как только Сапозков собрался вскипятить себе чай, в автосервис явился знакомый гаишник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.